

Александр ОБОЛОНСКИЙ

Консервативный синдром в советском массовом сознании *

Сегодня мне представляется важным описать те черты нашей общественной морали и психологии, которые, будучи более или менее сквозными, общими для представителей всех социальных групп и слоев, поддерживают до недавнего времени безраздельно доминировавшую в советском обществе политическую культуру. Конкретные формы проявления этих черт у разных социальных и этнических групп имеют свои особенности и различаются по интенсивности выражения. Более того, они даже не всегда адекватно осознаются их носителями. Но независимо от всех субъективных моментов, их объективная социально-политическая направленность однозначна: *они работают на сохранение политического status quo, на поддержание доставшегося нам в наследство ancien regime*. Назовем его условно «доапрельским» (имея в виду апрель 1985 г.) и будем помнить, что, претерпевая существенные изменения, он в некоторых своих компонентах пока, увы, сохраняется.

Разумеется, то, о чем пойдет речь, никоим образом не охватывает всю совокупность моральных норм и психологических установок и стереотипов. Здесь мы будем говорить лишь об апологетических по отношению к старо-

* Данная статья появилась в процессе работы над рукописью исследования «Феномен «русского духа»: общество против личности». В основе моего подхода к проблеме лежит многоосевая модель действительности, в которой как относительно независимые переменные действуют моральные, психологические, экономические и другие факторы, а общая картина мира складывается на основе проекции определенных точек с каждой из осей. Политические механизмы выступают в качестве конечного объекта исследования. Однако основное внимание уделяется более глубоким, определяющим в конечном счете политику пластам: общественной морали и психологии. Под этим углом зрения в первом томе исследования мною был сделан очерк динамики социального характера разных слоев нашего народа в XVII - XX веках. Во втором — та же задача решается применительно к настоящему • времени. Свою цель я вижу в том, чтобы попытаться обрисовать (воспользуюсь парафразом заглавия знаменитой работы М. Вебера) феномен под названием «Советская этика и дух социализма». «Внеполитические», т. е. нейтральные по отношению к задаче исследования, черты морали и психологии мною не рассматриваются. Создание полного коллективного портрета общественной морали и психологии народа — задача не одного человека. Я претендую на решение лишь той ее части, которая обуславливает *политическую* физиономию нашего общества, — пусть очень важную, но только одну из его ипостасей.

Оболонский А. В.—доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра политологических исследований при Институте государства и права АН СССР и Советской ассоциации политических наук. Специалист по проблемам политологии, государственного управления, массового сознания.

му режиму компонентах общественной морали и психологии. К несчастью, они, как правило, базируются на глубинных и потому лишь с величайшим трудом поддающихся изменению установках нашего сознания. Другая наша беда в том, что до сих пор в отечественной истории и современности всегда преобладало влияние на общественную практику регуляторов данного рода. Таким образом, предмет анализа — *темные, консервативные стороны нашего социального "Я"*.

Сказанное отнюдь не означает недооценки другой части советской социальной этики — морали различных контркультур, находящихся в явной или неосознанной оппозиции старому режиму. Она существует как социально значимое явление уже не первый век и, несмотря на все гонения, не только выживает, но и, меняя свои формы, оказывает влияние на общественную жизнь. Собственно, степенью этого влияния и определяется уровень человечности (антропоцентричности или персоноцентричности) нашего социального существования. Но элементы и проявления контркультуры, «работающие» на изменение положения, различны у разных социальных слоев. Консервируют же существующий порядок нормы, проросшие через все общество.

Здесь не будут предметом рассмотрения и те многочисленные нормы морали и черты психологии, которые не имеют прямого выхода в политическую сферу и которые, кстати, содержат немало хорошего, в том числе в традиционалистской, патриархальной их части. Об утрате этого среза консервативного сознания можно лишь сожалеть. Но приходится абстрагироваться от указанных морально-психологических аспектов, так как наша задача — выяснить, что мешает организму выздороветь. И поскольку речь пойдет о том мерзком внутри нас, что испокон веку поддерживало бесчеловечные, принесшие нам во многих поколениях неисчислимые беды политические порядки, то не должно быть места ни экивокам, ни приглаживанию, ни умолчаниям. Я разделяю герценовскую позицию — «уметь ненавидеть из любви, презирать из гуманности». Зло должно быть названо своим подлинным именем.

Политические формы у нас, как известно, менялись, и очень радикально. До неузнаваемости переменялся и состав властвующей элиты. Однако суть отношений власти и народа, общий строй политической жизни общества изменились лишь внешне и совсем не так, как принято считать. С. Франк точно подметил еще семь десятилетий назад, что «не политические формы как таковые определяют добро и зло в народной жизни, а проникающий их живой нравственный дух народа»².

В советский период с общественной моралью и психологией произошло нечто подобное тому, что случилось с ней в годы царствования Петра I. При кардинальных переменах в их внешнем рисунке, в используемых словесных клише и символах, в объектах поклонения и проклятий практически в неприкосновенности сохранились многие базовые консервативные стереотипы, нормы и установки. Но этим дело не ограничилось. В дополнение к старым сложились новые антиличностные, антигуманные стереотипы. В то же время подверглись эрозии, вытеснены аномией и моральным релятивизмом с гуманистической точки зрения позитивные черты предреволюционной общественной морали. Шло интенсивное размывание тех христианских норм и ценностей, которые стали универсальной основой отношений между людьми.

¹ Герцен А. И. О развитии революционных идей в России. Сочинения в 9-ти томах. Т. 3. М., 1956, с. 471.

² «Из глубины. Сборник статей о русской революции». Париж, 1967, с. 324.

Коллапс религиозной морали вызвали три фактора, действовавшие на разных уровнях общества, но, к несчастью, оказавшиеся однонаправленными. Со стороны власти это продолжавшиеся до самого последнего времени жестокие гонения на веру. Со стороны церкви, в течение столетий выполнявшей роль официальной государственной идеологии, это недостаток потенциала независимого морального противостояния неправой силе в изменившихся обстоятельствах. Со стороны паствы это нехватка искренней христианской готовности постоять, а, если надо, то и пострадать за веру, «принять на себя крест». В результате в течение жизни последних трех поколений шла нарастающая дегуманизация общества: эмоциональная сфера человека становилась бедней, он утрачивал душевную тонкость, отзывчивость, способность к пониманию чужого внутреннего мира, к состраданию, сильно деградировало чувство собственного достоинства.

Словом, по сравнению с жившими сто лет назад предками, в морально-гуманистическом плане мы утратили очень многое. В стране восторжествовала идеология воинствующего попрапия личности. Ее квинтэссенцию выразил страшный лозунг: «Незаменимых нет». Победившая идеология открыто заявила о себе как об альтернативе христианской гуманистической этике, которая, как известно, исходила именно из уникальности, а потому незаменимости каждого человека — носителя частички высшего духовного начала (каковы бы ни были имя и происхождение этого начала).

Целенаправленное истребление у человека чувства личного достоинства в сочетании с системой исходящих от властей всех уровней подачек привели к страшным последствиям: всеобщая несвобода сплелась с развращающим души людей подлым «икорным страхом» (выражение В. Гроссмана) — страхом лишиться тех жалких благ, а иногда и элементарных прав, доступ к которым зависит от позиции человека в системе и благого расположения вышестоящих персон. Широкое массовое распространение этой античеловечной морали способствовало кристаллизации чудовищного по своей извращенности общественно-политического порядка. Возник строй, стоящий на целом ряде уродливых, искаженных форм социальных отношений, своего рода «королевство кривых зеркал», где все определяется имитациями, подделками под нормальные общественные институты, которые весьма надежно выполняют функции опор режима. Это:

— псевдодеятельность, т. е. имитация рационального напряженного труда (для конкретных людей порой выливающаяся в весьма хлопотливую и нервную суету, которая, однако, неэффективна, а зачастую и бессмысленна);

— псевдоделовитость, т. е. имитация кипучей деятельности бюрократическим аппаратом;

— псевдоидейность, т. е. имитация искренней приверженности официальной идеологии, на деле прикрывающая прагматизм или даже циничную беспринципность;

— псевдодемократизм, т. е. придание демократической формы авторитарно-бюрократическим действиям;

— псевдоколлективизм, т. е. имитация групповой сплоченности, маскирующая на деле кардинально иной — властно-принудительный — способ социальной организации;

— псевдоплановость, т. е. жесткая система «плановой» сбалансированности, на деле камуфлирующая вопиющую диспропорциональность, какой никогда не знала рыночная экономика;

— псевдоинициативность, т. е. активность, на деле представляющая собой приспособленчество, гиперконформизм (Э. Фромм относил конформизм к числу наиболее опасных видов отчужденного поведения, ибо он сохраняет видимость индивидуальности, но индивидуальность эта — фикция);

— господство псевдоэлиты, т. е. захватившей власть над обществом прослойки энергичных люмпенов.

Таким образом, можно сказать, что режим стоит на системе искаженных, а то и перевернутых моральных ценностей и ложных социально-психологических стереотипов. Перейдем к ее непосредственному описанию. Для удобства все ее атрибуты сгруппированы по пяти разделам — в зависимости от объекта, по отношению к которому они проявляются: *к личности другого индивида, к обществу, к власти, к «чужакам», к самому себе.*

I. Антиличностная социальная установка. По отношению к личности другого человека она является той морально-психологической доминантой, которая объективно укрепляет режим. Ее суть — в активном неприятии чьей-то, хотя бы относительной, материальной или духовной независимости, раскрепощенности и, следовательно, свободы, в поддержке и воспроизводстве традиционных моральных норм, блокирующих индивидуалистическую, «незапрограммированную» активность отдельной личности. Можно сказать с определенной долей условности, что этот завистливый запретительно-угнетательный антииндивидуализм выражается стереотипом: «никому из мне подобных не должно быть лучше, чем мне». Он имеет много разных проявлений.

1. *Принцип принудительной коллективности и эксплуатации стадного чувства.* В его основе лежит ярко антиличностный стереотип: «все, как один...». Советский человек постоянно сталкивается с приказами, начинающимися этими словами и сильно смахивающими на приказ. Уместные лишь при действительно чрезвычайных обстоятельствах, в мирное время связанных, как правило, с авариями и стихийными бедствиями, они используются по множеству поводов — от уборки урожая до бессмысленных стопроцентных «выходов» на очередные субботники или «добровольно-принудительного» выкачивания дополнительных средств у населения (когда-то в форме государственных займов, затем — в «фонд мира», «фонд пятилетки», «фонд Вьетнама» и т. п.)³. В подобных ситуациях человек, независимо от его воли и желаний, втягивается в коллективное действие, в котором его личное мнение не значит практически ничего. Лишь единичные, самые ярко выраженные неконформисты в таких условиях делают попытки как-то выразить свои индивидуальные взгляды. Такая позиция вызывает агрессивную неприязнь «коллектива», а самому смельчаку в лучшем случае может доставить лишь моральное удовлетворение, поскольку спаянный круговой порукой «коллектив» позаботится о том, чтобы никто посторонний даже не узнал о бунте.

Но все же именно отдельные неконформистские действия (как правило, приносящие тем, кто их совершает, лишь неприятности и не дающие видимых результатов) подтачивают стадную психологию, помогают рядовым людям осознать себя не безгласными «винтиками», а личностями.

2. *Принцип уравнительной «справедливости».* Это фундамент антиличностной установки. По своей направленности он прямо противоположен известному западному мещанскому стереотипу «быть не хуже Смитов». При всей пошлости в этом стереотипе явно проявляется желание догнать, а лучше перегнать преуспевающего соседа, превзойти его, мобилизовав весь свой индивидуальный потенциал, что в нормальных условиях стимулирует трудовую активность человека. Наша же, идущая еще от общинного сознания, завистливая неприязнь к выдвинувшемуся собрату направлена на то, чтобы занятую «высунувшегося» обратно в уравнивающее всех

³ Разумеется, я не имею ничего против сбора добровольных пожертвований, тем более для ликвидации последствий бедствий, но способ, которым все это у нас делалось и нередко еще делается, во-первых, не имеет ничего общего с настоящей добровольностью, а, во-вторых, порождает серьезные сомнения в использовании денег по назначению.

болото. Парадоксально, но носители этого стереотипа (а имя им легион) еще могут смириться со случайной чужой удачей, с неоправданным счастьем ленивого Емели или везением Ивана-дурака, но не с заработанным в поте лица благополучием трудолюбивого Ганса.

Тот факт, что данный принцип оказывает негативное — блокирующее, а то и разрушительное — влияние на трудовую активность и трудовую этику, представляется очевидным и, думается, в доказательстве не нуждается. В своих крайних проявлениях принцип «уравнительной справедливости» предполагает не только блокирование, но и отторжение лучших, выделяющихся из общего уровня «стаи» людей, включая их физическое уничтожение. Одной из прагматических задач большевистского террора как социального регулятора и было это уничтожение прослойки лучших представителей общества, причем во всех его социальных стратах, во всех этнических группах, и тем самым — устранение его «бродильного фермента».

3. *Надругательское отношение к мертвым.* Антиличностный характер доминирующей в нашем обществе системы социальных отношений обращен не только к живым. Быть может, парадоксальным, но тем не менее достоверным тестом на подлинное отношение к людям являются социальные нормы «похоронного поведения», т. е. правила и обыкновения, регулирующие все, связанное с погребением тела умершего, с поддержанием памяти об ушедшем человеке и сохранении места его последнего упокоения. О том, насколько бесчеловечно и даже цинично по отношению и к покойному, и к его близким, и вообще ко всем, кому выпала доля жить и умереть на этой земле, поставлено в России и в ряде других республик (особенно в городах) похоронное «хозяйство», знают, пожалуй, все. В эпоху гласности кладбищенская тема отчасти попала в поле зрения нашей публицистики и даже художественной литературы. Мы увидели страшный антимир, тем не менее являющийся, по сути, лишь одной из ипостасей и продолжением мира обыденного, повседневного. Но проблема имеет множество ликов и форм проявления: вошедшее в обычай повсеместное вымогательство; циничная игра на растерянности сломленных горем и беспомощных родных покойного; состояние и внешний вид наших кладбищ, особенно новых; манера поведения и сам тип людей, подвигающихся на этом попрании; казенно-суконные слова официальных некрологов, отмеренные в соответствии со служебным рангом покойного; невозможность опубликовать сообщение о смерти не выслужившего определенного «чина» человека; разрушение кладбищ по соображениям хозяйственной и градостроительной целесообразности; осквернение могил и даже мародерство; гнусная и далеко еще не изжитая манера скрывать либо всячески затушевывать сведения о жертвах катастроф и вообще «нежелательных» смертях; наконец, мы сами, покорно принимающие все эти издевательства над памятью близких нам людей как некую неизбежную данность... А ведь отношение к мертвым — не демагогический, а эмпирический показатель подлинного отношения к людям вообще.

II. **Отношения типа «личность—общество».** Здесь выделяется несколько морально-психологических «подпорок» режима.

1. *Национально-государственный комплекс неполноценности.* Он состоит из нескольких компонентов. Во-первых, это спрятанное глубоко внутри, даже, может быть, вытесненное в сферу бессознательного, чувство национальной (в данном случае понятие национальности употребляется в смысле граждан государства) социально-исторической ущербности, порочности и бесперспективности господствующей системы общественных отношений, тех устоев, на которых базируется существующий порядок. Комплекс этот, помимо общего для всех фундамента, имеет еще и допол-

нительные «пристройки» на социально-классовой основе. А. Амальрик справедливо отмечал наличие комплекса социальной неполноценности у крестьян — по отношению к горожанам, у рабочих — по отношению к интеллигенции. Такой же характер носит, на мой взгляд, и отношение провинциалов к* столичным жителям. Любопытно, что основанием для него служат не столько материальные различия, сколько характер труда и мера социальной несвободы.

Во-вторых, это ощущение человеком своего органического единства с данной системой, в силу чего любые серьезные изменения в ней и даже сама идея таких изменений воспринимаются как угроза сложившемуся укладу, хотя и далекому от совершенства, но привычному, к которому как-то приспособились. Любопытно, что данная установка распространена не только в привилегированной среде, приближенной к власти и потому имеющей что терять. Перемен бояться и те, кто, казалось бы, может от них только выиграть.

На таком причудливом фундаменте, сложенном из понимания, что живем мы плохо, и боязни, нежелания что-либо менять, и зиждется комплекс неполноценности, проявляющийся в стремлении хоть как-то, пусть иллюзорно, преодолеть это подсознательно ощущаемое противоречие. Преодолеть его можно двумя путями. Первый: агрессивное наступательное самоутверждение, подлинная цель которого — скрыть внутреннюю неуверенность и раздвоенность. Конкретные проявления данного модуса: хвастливое приукрашивание своей жизни и достижений страны, а то и прямое мифотворчество (особенно при контактах с разного рода «чужаками»); агрессивная нетерпимость по отношению к тем, кто думает и живет иначе, а также по отношению к внешним критическим наблюдателям. *Тот, кто остается рабом в душе своей, будет яростно сопротивляться попыткам вывести его из рабского состояния и, более того, будет мешать другим выбраться из него.* Ценой чужих жизней он готов оплатить собственный душевный комфорт, отстаивая своего рода моральное право на собственное рабство.

Второй путь: муссирование славянофильской идеи богоданности русского народа, его якобы уникального духовного строя, который, дескать, неизбежно разрушат переделка на западный лад, погоня за материальными благами и политическими правами. По своей морально-психологической окраске он отличается от первого варианта как искренностью убеждений, так и преобладанием мирного, романтически-патриархального настроя, хотя при определенных обстоятельствах он может приобрести некоторые черты первого — агрессивно-хвастливого — пути.

2. *Рабско-холуйско-разбойничья мораль.* Будучи тесно переплетенной с комплексом неполноценности, она является одним из компонентов господствующей общественной морали. Она была широко распространена среди разных слоев общества Российской империи. Но до момента «переворота социальной пирамиды» в 1917 г. все-таки существовали определенные ее ограничители в формах христианской этики, интеллигентской идеи бескорыстного служения народу, дворянской чести, других вариантов сословной морали. Когда эти сдержки и противовесы были сняты, названная моральная (точнее сказать — антиморальная) система стала доминирующей. Возник феномен *страны победившего хама*, в которой все мы до сих пор живем и, боюсь, даже при самом благоприятном развитии событий обречены жить еще долго. Ведь *моральная реконструкция общества — дело весьма продолжительное*, тем более, что лишь в самое последнее время мы стали робко продвигаться по пути создания необходимых предпосылок для такой реконструкции.

Еще Герцен подметил, что в России для человека возможны лишь два морально-психологических состояния — рабство и анархия. В годы рево-

люции исторический поршень проделал двойной молниеносный ход «туда-обратно» — от рабства к разбойной анархии и назад в рабство. За истекшие семь десятилетий в моральном плане мы, увы, во многом спустились на еще более низкую ступень, чем были до 1917 г. (прежде всего это касается уровня личной нравственности, да и групповой морали), но кое в чем все же поднялись повыше (в образованности, в частичном преодолении русоцентризма). Поэтому некоторые надежды на наш моральный прогресс в будущем все же есть. Только не нужно связывать их ни с начальственным изволением, ни с добрым и прогрессивным «хозяином» (до сих пор живущий стереотип отношения к носителю высшей власти). Нельзя его связывать также и с начальниками других уровней: готовность многих из них выслуживаться на любом предудказанном свыше направлении (успевшая проявиться в годы перестройки, например, в холуйстве антиалкогольном, холуйстве псевдоперестроечном и пр.) не оставляет надежд на их способность реально служить обществу. Мы сами должны изжить в себе этот рабско-холуйско-разбойничий комплекс. За нас этого не сделает никто.

3. *Слабая развитость нормальной трудовой этики* — другая сторона данного комплекса. Как известно, труд на Руси в течение столетий был почти тотально несвободным, содержал значительный элемент внеэкономического принуждения. В результате морально-психологическое отчуждение от труда глубоко укоренилось в массовом сознании. Это мировоззрение в основе своей противоположно евроамериканской традиции протестантской этики и упрощенно может быть передано такими стереотипами, как «от трудов праведных не наживешь палат каменных», «работа дураков любит», и т. п. Иными словами, работа расценивалась как неприбыльная повинность. Правда, после освобождения крестьян от крепостной зависимости развитие капиталистических отношений стимулировало постепенные благоприятные изменения в данной области. Но с революцией этот процесс был прерван. Режим, декларативно провозгласивший лозунг свободного труда, на деле опять превратил его в казенную повинность.

Миллионы принудительно коллективизированных крестьян, трудармейцев, иных категорий мобилизованных, не говоря уже о гигантской, постоянно обновляющейся «трудовой армии» заключенных, по существу, превратились в крепостных, а то и в рабов режима. В то же время действительно эффективно работающих вышибали из седла: ведь подлинно эффективный труд предполагает определенную самостоятельность работника, независимость от администрирования со стороны «начальства». Но именно этого система ни под каким видом допустить не могла.

Возможность поддерживать социальную стабильность системы, столь нерациональной с точки зрения экономики, подкреплялась традиционно низким уровнем материальных притязаний у подавляющей части населения. Люди привыкли жить скудно и довольствоваться малым. И советский режим в течение ряда десятилетий содействовал закреплению и усилению этой привычки. Впрочем, за последние 15—20 лет массовые ориентации заметно изменились. «Отголоски» стереотипов потребительского общества Докатились и до нас. В результате снизилась тормозящая роль привычки к бедности как якоря режима. В этом, думается, одна из причин предпринимаемых сейчас в стране попыток нащупать такой вариант экономического механизма, который совмещал бы стимулы к свободному труду и сохранение внеэкономической зависимости и отдельных людей, и целых предприятий от произвольного во многом усмотрения носителей административной власти.

4. *Страна перевернутых ценностей.* Данная характеристика имеет во многом интегрирующий характер. Ведь, в самом деле, шкала обществен-

ных ценностей у нас не просто деформирована, она как бы поставлена с ног на голову. Это проявляется во многих вещах.

Куда ни бросишь взгляд, всюду наталкиваешься на примеры ценностных извращений. При назначениях на любые посты, при раздаче званий и других знаков отличия мы в подавляющем большинстве случаев видим победу посредственности над нестандартностью, яркостью, оригинальностью; самодовольная полуобразованность выступает как эталон интеллектуальных стандартов и распорядитель интеллектуальным потенциалом общества. В этом, собственно, и состоит моральная основа таких политических принципов режима, как систематическое отторжение лучших и выдвигание худших людей.

В том же ряду стоят: воспитываемая с детства система двойных и даже тройных моральных стандартов, породившая лишь отчасти справедливое представление о лицемерии как непреходящем атрибуте *homo soveticus*; поколениями вырабатывавшееся «искусство неистового холуйства» газетно-журнальной псевдопублицистики, прямо связанное с феноменом активного конформизма, имитирующего и подменяющего подлинную гражданскую активность; наконец, способность предавать, в рамках извращенной морали цинично называемая «умением жить». Можно было бы продолжать гнетущий перечень того, что, в сущности, представляет собой различные разновидности лжи. Но, думается, значительно полезней вспомнить малоизвестный анализ причин существования в мире лжи и огромной социальной важности таких человеческих качеств, как искренность, стремление «жить не по лжи»: «Для того, чтобы старое... уступило место новому, нужно, чтобы люди, сознающие новые требования жизни, ясно высказывали их... А между тем мы не только не высказываем той истины, которую знаем, а часто даже прямо высказываем то, что сами считаем неправдой... Один не говорит той правды, которую он знает, потому, что он чувствует себя обязанным перед людьми, с которыми он связан, другой — потому, что правда могла бы лишит его того выгодного положения, посредством которого он поддерживает семью, третий — потому, что он хочет достигнуть славы и власти и потом уже употребить их на служение людям, четвертый — потому, что не хочет нарушать старинные, священные предания, пятый — потому, что не хочет оскорблять людей, шестой — потому, что высказывание правды вызовет преследование и нарушит ту добрую общественную деятельность, которой он отдается или намерен отдаться...

Что же тут важного, чтобы прокричать... «ура»... или написать статью... или пойти на патриотическое празднование и пить за здоровье и говорить хвалебные речи людям, которых не любишь... или промолчать..? Все это кажется так неважно. А между тем в этих-то кажущихся нам неважными поступках, в воздержании нашем от участия в них, в указании по мере сил наших неразумности того, неразумность чего очевидна нам, в этом наше великое, непреодолимое могущество. А то каждый свободный человек говорит себе: „Что я могу сделать?.. Только бы люди понимали ту страшную власть, которая дана им в слове, выражающем истину"».

Как актуальны, как насущно необходимы сегодня эти простые, как Евангелие, толстовские проповеди. Может быть, в следовании им и состоит главная надежда на моральное возрождение нашего общества. Во всяком случае, без этого ни политическая, ни экономическая либерализация нам не помогут.

III. Отношения человека с властью. Главной опорой режима был *квазиэтатизм*, т. е. фетишизация власти, причем не в западном абсолютистском, а в восточно-имперском смысле. Это означает, что государственная (точнее, партийно-государственная) власть мыслится как главный — если не единственный — стержень, на котором зиждется общественное устройство. Внешне это, возможно, и походит на прусскую модель полицейского государства, управляемого сильной, непререкаемой центральной властью. Однако при более глубоком анализе на первый план выступают весьма существенные различия: российская действительность так и не доросла до воплощения принципов прусской рациональной бюрократии, которая опирается не только на силу, но и на закон, во многом мы сохранили чисто азиатскую систему деспотической самодурской власти.

Ведь преобладающей установкой массового сознания в нашей стране до сих пор остается неверие в закон как *воплощение справедливости и эффективное средство борьбы с несправедливостью*. И неудивительно: их безнаказанными нарушителями сплошь и рядом оказываются лица, облеченные властью. К тому же и практика применения законов, в частности в том, что касается защиты прав граждан, не дает особых оснований для «юридического оптимизма»: многочисленные правоохранительные органы, социальное назначение которых состоит в обеспечении правопорядка в обществе, сами едва ли не чаще, чем все остальные, допускают вопиющие отклонения и от норм права, и от принципов справедливости.

Гораздо сильнее вера в непреодолимость действующего и воспроизводящего себя на всех уровнях *произвола*. Советский человек в массе своей относится к власти, как к року, борьба с которым бесполезна. Парадоксальным образом эта азиатская покорность власти и судьбе уживается с сильно выраженным *казенным патриотизмом*, отождествляющим родину и правящий режим. Квазипатриоты упиваются, например, положением СССР как сверхдержавы, которое никогда не приносило его гражданам ничего, кроме дополнительных тягот и, по сути, означало лишь способность режима наряду с безграничной властью над собственными гражданами держать в страхе еще и немалую часть остального мира. Подобный «петербургский патриотизм, который похваляется количеством штыков и опирается на пушки», Герцен считал одной из причин нашего рабства⁵.

Впрочем, поклонение государству опирается на разные стереотипы. Помимо фатализма и казенного патриотизма оно эксплуатирует и *романтическую сторону национальных чувств* — исторические предания, символы и святыни, всевозможные патриархальные идеализации «святой старины». Одна из таких идеализаций — миф о благодатной жизни в патриархальной общине. Он очень удобен, поскольку канонизирует консервативное единоедушие «мира», а заодно и «отеческое» правление «добротного хозяина» и дискредитирует индивидуалистическую модель отношений личности и власти.

Наконец, еще один стереотип, на котором стоит наш квазиэтатизм. Это *боязнь «хаоса», «анархии»,* которые якобы наступят, если только чуть отпустить «вожжи». Логически ясно, что тут происходит несложная подмена понятий — свобода подменяется хаосом. Однако формальная логика, как известно, никогда не была сильной стороной массового сознания. Так или иначе, но сама идея свободы остается для обывателя непривычной и пугающей. Гораздо привычнее, например, полусадное положение, которое фактически столь долго было нормой жизни, что люди к нему приспособились и боятся не только «анархии», но даже и просто необхо-

⁵ См. Герцен А. И. Указ. соч., с. 449.

димости индивидуального ответственного выбора как одного из непреходящих атрибутов свободы.

IV. Отношение ко всякого рода внешним и внутренним «чужакам».

Здесь действуют два основных механизма.

1. *Стихийный народный империализм.* Категорию «империализм» чаще всего используют применительно либо к государственной политике, либо к идеологической доктрине. Однако существует и империализм народный, присущий так называемым «простым людям». Любопытно, что явление это носит интернациональный характер и свойственно, например, массовому французскому сознанию не меньше, чем российскому. Порой просто диву даешься, слыша или читая, как какой-нибудь обыватель рассуждает в почти классических геополитических категориях. Среди них такие, как «государственные интересы», «интернациональный долг большой нации» и т. п. Главный же тезис, который с негодующим пафосом обращен в первую очередь к восточноевропейским и прибалтийским народам, а также и к представителям других национальностей бывшей Российской империи, присоединенным в разное время прямой силой русского оружия либо дипломатическим диктатом с позиций силы, звучит примерно так: «Мы-де их освободили, а они, неблагодарные, не хотят жить по-нашему!». Увы, святой народной простоте не приходит в голову, что «освобождение», сопровождаемое стремлением принудить «жить по-нашему», называется иначе.

Мне могут возразить, что вся эта народная империалистическая психология отнюдь не стихийна, а внушалась массам по идеологическим каналам. Думаю, однако, что это если и справедливо, то лишь отчасти. Эффективность нашей пропагандистской машины, по счастью, не столь высока. К тому же народный империализм распространен и среди тех слоев, куда пропаганда обычно мало доходит. Видимо, здесь проявляются традиционные стереотипы массового сознания, которые пропаганда лишь усиливает и, манипулируя ими, направляет против очередного «врага».

2. *Российский национализм.* Как ни странно, он, по сути, опирается на *национальный комплекс неполноценности*. Последний имеет разные формы и иногда даже с трудом узнаваем, поскольку скрывается за, казалось бы, весьма высоким самомнением. В самом деле, как за чванным национализмом, априорно приписывающим соотечественникам высший ранг по сравнению со всеми прочими, разглядеть глубоко запятанную неуверенность в себе, ущербность массового национального сознания? Вопрос непростой, и хотя теоретическая база для его разрешения в мировой науке существует, не будем сейчас в него углубляться. Напомним лишь, что наиболее распространенная и универсальная разновидность агрессивного комплекса неполноценности — антисемитизм. В современном СССР он составляет неотъемлемую часть идеологии неопочвенничества⁶. Эта идеология проникнута духом поиска «постороннего виноватого», т. е. в собственных бедах и неудачах ее носители обвиняют не самих себя, а неких злокозненных инородцев. В российской реальности чаще всего в роли таких «козлов отпущения» оказывались и оказываются евреи. Но вообще погромный потенциал такого рода почвенничества может обращаться (и часто обращается) на любые национальные меньшинства. А поскольку идея необходимости «держать националов в узде» долгие годы была общей как для русских шовинистов, так и для негласной национальной политики верхов, то объективно русский национальный комплекс работает на поддержку и укрепление старого режима, хотя его конкретные носители

⁶ С подобным агрессивным почвенничеством, разумеется, не имеют ничего общего нормальные, здоровые, т. е. *не направленные против кого-либо* (исключая завоевателей), проявления патриотических национальных чувств, в основе которых лежит ощущение духовной и душевной связанности как с «малой», так и с «большой» родиной.

часто не отдают себе в этом отчета, а порой даже мнят себя борцами с ним. Такова реакционная роль национализма системообразующей нации в имперской структуре.

Национальный комплекс неполноценности иногда бывает не агрессивным, а, напротив, боязливым. Чаще всего это присуще малым нациям, не способным сопротивляться более сильным нациям или (и) не располагающим духовными ресурсами для противодействия культурной ассимиляции. Однако порой он проявляется даже у таких этнических гигантов, как русская нация, в которой в течение столетий сохранялась — и в немалой степени сохраняется до сих пор — пресловутая «западобоязнь», т. е. недоверчиво опасливое отношение к Западу как к богатому и коварному соблазнителью. Впрочем, непроходимой границы между боязливым и агрессивным комплексами нет. При изменении соотношения сил они достаточно легко переходят один в другой.

V. Отношение человека к себе самому⁷. Немалую услугу оказывает режиму наличие у индивида разветвленной системы *моральных уловок и самооправданий*. Они выполняют двоякую роль: либо анестезируют совесть, гражданские чувства человека (если таковые у него есть), либо дают возможность «сохранить перед другими лицо». Таким образом, человек, не теряя самоуважения и душевного комфорта, оправдывает перед собой и своим окружением конформное — а то и аморальное — поведение.

Назовем некоторые разновидности морально-психологических упаковок конформизма⁸, каждой из которых соответствует определенный тип приспособленца:

— возведение аморализма в своего рода принцип жизни: дескать, «главное, чтобы бутерброд при всех обстоятельствах был бы с маслом, а какими средствами это достигается — неважно» (впрочем, подобное «прямодушие» все же не слишком популярно и потому встречается реже других видов самооправданий);

— симуляция идейной приверженности официальным ценностям, маскирующая прагматичнейший, своекорыстный расчет, карьеризм, стяжательство, в лучшем случае обывательское желание профилактически избавиться себя от любых возможных неприятностей;

— словесная имитация солидарности с оппозиционными по отношению к официальной идеологии ценностями, общезначимыми гуманистическими идеалами. На деле подобные имитаторы диссидентства под разными предлогами избегают каких-либо действий или иных проявлений своих «убеждений». Этот модус распространен среди многочисленной прослойки людей, играющих роль интеллигентов. Оппозиционная фразеология для них — признак хорошего тона, но в практической жизни они руководствуются сугубо эгоистическими соображениями. Пожалуй, в моральном смысле этот тип — наихудший, поскольку словесная спекуляция идет на вещах светлых и высоких, верность которым подлинные интеллигенты отстаивают ценой немалых жертв;

— обывательская в своей сущности мораль «рабочей лошадки», которая полагает вредным вмешательство «не в свои дела», т. е. в граждански значимые проблемы, и в качестве главной ценности выдвигает возможность нормальной профессиональной работы «на своем месте» и спокойной личной жизни; пожалуй, этот тип субъективно наиболее честен, хотя

⁷ Оно как известно включает в качестве едва ли не важнейшего компонента так называемое «зеркальное «Я», т. е. мнение о человеке его референтной группы, «значимых других» — людей чья оценка настолько важна, что является основой самооценки.

⁸ Подобная психологическая рационализация морального релятивизма была в свое время описана знаменитым итальянским политологом В. Парето при помощи термина «деривации».

вреда, особенно в экстремальных обстоятельствах, может принести немало.

В качестве дополнительного аргумента все перечисленные разновидности моральных уловок и самооправданий используют тезис о собственном бессилии и всемогуществе власти, государства и вообще «начальства». Для подкрепления «идеологии бессилия личности», для придания ей большей убедительности обычно охотно муссируются (а порой и раздуваются) факты о масштабах и жестокости репрессий по отношению к инакомыслящим, о «тотальном контроле» над любым словом, поступком и т. п.

Закончим на этом описание морально-психологических опор «доапрельского» режима. Если оперировать понятием «механизм торможения», то мы здесь коснулись лишь одной, впрочем, очень существенной его части, попытавшись обозначить те черты советского общества, которые характеризуют его как страну с глубокими деформациями общественной морали — частично разложившейся, частично извращенной.

В завершение укажем на некоторые социологические, а точнее, социально-структурные аспекты механизма торможения. Революция, упразднив сословную систему привилегий и ограничений в старой России, довольно быстро создала *de facto* новую иерархию. Верхушку ее составила партийно-чиновничья олигархия «выдвиженцев» (впрочем, во втором, а тем более в третьем поколении, в ней тоже стали достаточно сильны элементы кастовости). Самым низшим слоем пирамиды стала армия новых рабов-эзков, численность которой в отдельные периоды достигала многих миллионов человек. Если же вывести этот слой за рамки общественной структуры и считать его как бы «подвалом» или «подземным фундаментом» социальной пирамиды, то в ее нижней видимой части мало что изменилось: там по-прежнему находится крестьянство. Очевидно, нет необходимости доказывать этот горький и парадоксальный факт: достаточно лишь напомнить о широко распространенном в народе восприятии коллективизации как возрождения крепостничества. Верхние же слои пирамиды, присвоившие себе право распоряжаться общественным богатством, разумеется, себя не обидели и создали целую систему перераспределения в своих интересах. Так, новая сословность породила и новую шкалу привилегий, которая с течением времени становилась все более разнообразной, многоступенчатой и разветвленной. Широко и умело используя ее в качестве инструмента управления, режим формировал и расширял свою социальную базу. В результате оказалась подкуплена (и, соответственно, развращена) заметная доля населения страны. Основательно расширившись со времени смерти «генерального конструктора» — Сталина, система централизованно установленных привилегий в разной степени и формах охватила не один десяток миллионов человек. Сюда входят и высшая и средняя партийно-государственная бюрократия, и работники сферы госбезопасности, и существенная часть офицерского корпуса, и научный и инженерно-технический персонал, занятый в приобретшей колоссальные размеры сфере военного производства, и номенклатурная верхушка научной и творческой корпораций, и члены семей всех перечисленных групп. В том же ряду активно заинтересованных в неизменности режима групп (хотя и несколько особняком, поскольку их привилегированное положение связано не столько с централизованными формами распределения благ, сколько с «инициативным» использованием своих служебных позиций) находятся торгово-снабженческая мафия, тесно сросшаяся с системой, пустившие глубокие корни преступные и полупреступные корпорации, распространившие свое

влияние и на сферы борьбы с уголовным миром, некоторые другие более мелкие группы.

Конечно, и среди привилегированного слоя есть люди, готовые пожертвовать своими дополнительными благами во имя общего улучшения ситуации. Однако абсолютное большинство их, несомненно, составляют «преторианскую гвардию» режима и будут препятствовать любым изменениям, способным подорвать их положение. К тому же зло, как известно, всегда сплочено и организовано лучше, нежели добро. А в наших условиях оно к тому же и оседлало официальные структуры.

Но социальная база режима не сводится к этой паре десятков миллионов человек. Во всех слоях общества существует большая прослойка социально аморфных людей, стремящихся сохранить *status quo*. Они не обладают никакими привилегиями и чаще всего живут скверно, но никаких перемен не хотят, потому что приспособились именно к такой жизни (а более молодые и унаследовали подобную форму адаптации, для которой характерна удовлетворенность существующей системой: уравнильным распределением, отсутствием состязательности при наличии минимальных социальных гарантий, возможностью прожить пусть кое-как, зато не напрягаясь, только имитируя полезную деятельность и, если возможно, воруя по мелочам). Это вязкое болото социальной апатии и конформизма многих миллионов обывателей, затягивающее любых оппонентов и реформаторов режима, уничтожающее даже следы их шагов,— быть может, главная инерционная сила системы.

Исходя из сказанного, следует оценивать степень запущенности и тяжести болезней, поразивших наши моральные устои, а также перспективы и средства исцеления. Представляется, что наша моральная деградация зашла настолько далеко, что для нравственного восстановления общества потребуются долгое время и весьма решительные меры. И начать надо с освобождения сознания от фальшивых идолов, от лживых канонов и стереотипов, с обретения исторической памяти о подлинной картине событий истекшего семидесятилетия. Затем необходимо научиться применять к истории и современной социальной практике нравственные критерии: оценивать то или иное действие по шкалам добра-зла, справедливости-несправедливости, счастья-горя.

На смену долгой эпохе чванливого самовозвеличивания должна прийти тоже достаточно продолжительная эпоха самокритики, беспощадного социального и нравственного самоанализа, переосмысления обществом моральных основ своего бытия. Необходима моральная реконструкция общества.

Дело это весьма болезненное, очень непростое и не обещающее скорых дивидендов. Думается, качественные, необратимые изменения могут наступить не раньше, чем сменится одно поколение на хронологической лестнице нашей истории.

Тухлое двадцатилетие брежневского правления кончилось. Но и ему предшествовали далеко не ренессансные времена. Не одно поколение решало задачи жизненного успеха по аморальным в своей основе правилам. И для разгребания накопленной «коллективными» усилиями социальной грязи требуются и силы, и время. К тому же не ясно, что появится, если разгрести всю эту грязь. Не окажется ли, что она — единственная основа всей системы наших общественных отношений? У меня лично уверенности в обратном нет. Но все же будем надеяться на лучшее. Иначе очень страшно не только жить, но и думать о будущем. Кроме того, сознание безнадежности парализует активность. А сейчас нужно действовать, чтобы в очередной раз бездарно не упустить шанс на обновление.